

ГОРОД ВЕЧНОЙ ВЕСНЫ (КУНЬМИНЬ)

Специально для меня университет купил пишущую машинку с русским шрифтом. Я стучал на ней с утра до вечера, заканчивая научную статью «Some Regularities of Genesis and Distribution of Endogenous Tin Ore Deposits» (Некоторые закономерности происхождения и распространения глубинных месторождений олова), которую впоследствии опубликовали в журнале «Geological Science and Technology» на китайском языке.

Но геологу всегда хочется в экспедицию, чтобы на месте изучать горные породы и их взаимоотношения. В составленной мной и утвержденной в министерстве образования Китая программе стажировки предусматривались экспедиционные работы в одном из трех районов оловорудных месторождений. Предполагался также отбор геологических образцов и проведение химических анализов. И министерство уже выделило деньги для экспедиции. А вот министерство геологии все никак не могло решить вопрос о возможности посещения районов месторождений советским геологом.

В иностранном отделе университета мне объяснили, что вопрос этот принципиальный. Тридцать лет отсутствия нормальных межгосударственных отношений теперь сказывались. И это несмотря на то, что многие высококвалифицированные китайские геологи старшего поколения получили образование в Советском Союзе.

Дни проходили в ожидании ответа из министерства геологии Китая. Я не знал, куда разрешат поехать в экспедицию, и как это будет выглядеть. Возможно, придется одному добираться на поезде или другом общественном транспорте до одного из месторождений и там собирать

геологический материал по научной программе. К такому развитию событий следовало хорошо подготовиться.

Особые трудности предвиделись мне в связи с языком. Я уже убедился, что в подавляющей массе китайцы не владеют английским языком, на русский тоже рассчитывать не приходилось. Пришлось составить несколько десятков необходимых для общения с местными геологами фраз типа: «Я хочу посмотреть обнажение этих гранитов и взять из них геохимические пробы». Лао Ся написал рядом с этими фразами их перевод на китайский язык иероглифами. Теперь, чтобы задать нужный вопрос, достаточно показать собеседнику соответствующую фразу.

В хозяйственном отделе университета мне выдали снаряжение для экспедиции: рюкзак, полевой дневник, мешочки для образцов, геологический молоток с резиновой ручкой, походную алюминиевую флягу и грубые ботинки из замши на шнурках, типа наших экспедиционных, но почему-то апельсинового цвета.

Чтобы полностью закончить снаряжение, я купил в аптеке бутылку медицинского спирта и наполнил им флягу. Разумеется, в целях профилактики желудочно-кишечных расстройств. Как раз накануне на местном рынке мне продали две большие спелые хурмы. В гостинице я тщательно вымыл их в растворе марганцовки. Но, когда разрезал и стал есть, то вдруг почувствовал во рту какой-то посторонний предмет. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это обломок грязной щепки. Дополнительное обследование выявило еще три таких же черные от грязи щепки внутри плода. Они были воткнуты под каждый из четырех листьев венчика плодоножки. Как в последствии выяснилось, щепки втыкали в хурму, для того чтобы она быстрее созревала и потеряла сильный вяжущий вкус.

Только при одном виде грязных щепок внутри заурчало, и заболел живот. Перспектива отсидеть два месяца в

туалете инфекционной больницы не значилась в моих ближайших творческих планах. Я сбегал в магазин и купил бутылку водки. Если залпом выпить стакан дешевой китайской водки, то запросто можно потерять сознание от изобилия сивушных и эфирных масел. Но я мелко нашинковал стручок острого красного перца, головку чеснока, засунул их в бутылку и добавил пару кристалликов марганцовки. Пару минут интенсивно тряс это зелье. По убойной силе получившийся напиток не уступал «коктейлю Молотова», которым в Отечественную войну наши солдаты поджигали фашистские танки. Залпом выпил сразу целый стакан. Дыхание перехватило, как после апперкота в солнечное сплетение, и я в нокдауне повалился на кровать. Но и микробам от такой дозы зелья досталось сполна. Я со злорадством представил себе, как они корчились, растворяясь в этой огненной жидкости. Моему желудку, конечно, тоже мало не показалось. Но, зато все обошлось.

Для экспедиции следовало запастись провиантом. В первую очередь в списке необходимого продовольствия значились острый перец и чеснок. Очень хотелось прикупить с собой пару банок свиной тушенки «Великая китайская стена», которая продавалась в магазинах в пятидесятых и начале шестидесятых годов. В китайской тушенке, по сравнению с отечественной, было слишком много жира типа смальца. Но если этот жир намазать на черный хлеб, да еще с кольцами репчатого лука, то он служил отличным топливом для организма при тяжелой работе. Оказалось, что такую тушенку в Китае давно не производят, а в те годы выпускали только для СССР. Пришлось взять несколько сортов мясных и рыбных консервов, но все они на пробу оказались совершенно не съедобными из-за специфических китайских приправ.

И вот, пришла радостная весть – из министерства геологии получено разрешение на посещение оловорудного

месторождения Гэцзю в провинции Юньнань на Юге Китая.

Добыча россыпного олова (касситерита) в этом районе велась еще четыре тысячи лет тому назад в бронзовом веке. Китайские геологи, обученные нашими специалистами еще в пятидесятые годы двадцатого века, оказались талантливыми учениками, и нашли в этом районе богатейшие коренные месторождения олова. В том числе и «слепые» рудные тела, еще не вскрытые эрозией.

На месторождении Гэцзю помимо гранитов, с которыми связаны оловянные руды, присутствовали также основные и щелочные породы, которые я хотел изучить и опробовать.

В университетской библиотеке в Большой советской энциклопедии о Гэцзю было всего две строчки: «город на Ю. Китая, в провинции Юньнань. Основной центр добычи и выплавки олова и свинцово-цинковых руд». Не густо. Географические сведения о провинции Юньнань немного подробнее — самая юго-западная провинция Китая, граничащая с Лаосом и Вьетнамом. Большую часть территории провинции Юньнань составляют горы. На севере в предгорьях Тибета горы хребта Хэндуань достигают в высоту 6740 метров. К югу горы переходят в живописные холмы и долины с плодородными почвами. В Юньнани протекают такие крупные реки как Янцзы и Меконг. Крупнейшее озеро Дянь-чи, располагается неподалёку от административного центра города Куньмин. Этот город имеет весьма древнюю историю. Первые поселения здесь датируются эпохой палеолита и имеют возраст около 30 тысяч лет. В разное время в общей сложности в течение почти пятисот лет в Куньмине размещалась «временная столица» китайской империи. Здесь побывал известный итальянский путешественник Марко Поло, описавший Куньмин как город «торговли, ремёсел и искусств, населённый смесью из

язычников, христиан и мусульман». По широте Куньминь расположен южнее Каира и на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря. В течение всего года здесь сохраняется комфортная температура, что дало ему второе название «Города вечной весны».

На юге провинции проходит Северный тропик, который определяет наиболее северную широту летнего солнцестояния в полдень. Наконец-то сбывалась мечта моего детства попасть в тропики – область, заключённую между северным тропиком Рака и его южным эквивалентом тропиком Козерога.

Но все в этом мире имеет свои отрицательные стороны. Оказалось, что 5 января 1970 года в провинции Юньнань произошло второе по силе землетрясение силой 7,7 балла по шкале Рихтера и погибло около 20.000 человек. А землетрясение в Тянь-Шане в 1976 года унесло от 300.000 до 655.000 жизней. Эта информация меня вовсе не испугала, а наоборот, раззадорила.

Сопровождать меня в экспедиции отправлялись декан Ся Вэйхуа и его заместитель доцент У Ганьго. Я очень обрадовался таким авторитетным сопровождающим, что одновременно снимало проблему языкового общения. Лао Ся заказал билеты на поезд. Ехать до Куньмина двое суток.

Накануне поездки я долго сидел в библиотеке и рассматривал географическую карту Южного Китая. Путешествия по карте перед будущей экспедицией – моё любимое занятие. Но Китай это не просто другая страна, а скорее другая планета. Все здесь необычно и почти сюрреалистично, но на самом деле все это существует в натуре.

В библиотеке от холодного цементного пола у меня страшно мерзли ноги в оранжевых ботинках на резиновой подошве без стелек. Предусмотрительные китайские студенты и научные сотрудники носили с собой кругляши от поперечных распилов дерева величиной с тарелку, на кото-

рые и ставили ноги. Дерево задерживало тепловое излучение, и ноги не так сильно замерзали. Даже в магазинах и ларьках в это время года продавцы стояли не на бетонных полах, а на таких деревянных кругляшах.

Кроме того, в читальном зале как всегда царствовал сквозняк из-за приоткрытых окон в противоположных концах помещения. А температура воздуха на улице опускалась почти до нуля градусов, да еще при высокой влажности. В результате, я простудился и заболел, но говорить об этом Лао Ся не стал, рассчитывая поправиться за двое суток в поезде.

Черная университетская «Волга» отвезла нас на вокзал, и мы сели в поезд до Куньмина. В плацкартном вагоне я выбрал вторую полку, на нижней разместился Лао Ся, а третья досталась самому молодому из нас доценту У Ганьго.

Очень быстро у меня поднялась температура, и затрясло от озноба. Я отказался от обеда и попросил чай, куда плеснул немного спирта из походной фляги. Лао Ся все-таки заметил, что я заболел. Он достал упаковку с разноцветными гомеопатическими капсулами и заставил меня принять семь штук сразу, а потом через каждые два часа еще по две.

Уснул я как убитый. Ночью пропотел и утром встал свежим и бодрым. Вот она волшебная сила китайской медицины! Упаковку от таблеток я сохранил, чтобы купить такие же.

Дорога оказалась удивительно красивой. Железнодорожные тоннели пронзали горы, и сразу сменялись длинными арочными мостами на тонких высоких опорах, так, что когда смотришь вниз, захватывало дух. И тут я живо представил себе, что произойдет с этим изящным мостом при восьмибальном землетрясении. А главное, с идущим по нему железнодорожным составом и со мной в одном из

вагонов. Мы будем долго падать в пропасть, напоследок испытав чувство настоящей невесомости. Но, как говорится, не буди лихо, пока оно тихо.

Лао Ся рассказал, что в Куньмыне будет ждать машина геологической компании Гэцзю, которая отвезет нас на месторождение. На вокзале никакой машины не оказалось, и мы отправились устраиваться в гостиницу. Лао Ся принялся звонить по телефону в горнодобывающую компанию, а У Ганьго рассказал, что Куньмынь это родина чая и здесь можно купить самый лучший в Китае чай, в том числе и красный ферментированный. В подтверждение своих слов он заварил красный чай из банки, стоявшей на столике в моем номере. Чай оказался потрясающий. Но я быстро сообразил, что дело здесь не столько в высоких вкусовых качествах красного чая, напомилавшего черный байховый цейлонский чай, а в чистой, слабоминерализованной воде. В Ухани вода была очень жесткой, так как водоносные горизонты для питьевого водоснабжения располагались в легкорастворимых лессах. Даже при повторном кипячении в кружке появлялась пена. А Куньмынь находился в области плохо растворимых кристаллических пород, и местная вода напоминала невскую. Поэтому чай заваривался изумительно и не имел неприятного привкуса, характерного для жесткой воды. Я сразу купил много пакетов красного чая себе и в подарок Кусаинову.

Лао Ся, наконец, дозвонился до геологической компании Гэцзю и узнал, что министерство геологии разрешило нам посещение месторождения, а вот министерство обороны пока не дало положительного ответа. Район месторождения располагался в зоне боевых действий между Китаем и Вьетнамом.

– Надо пару дней подождать разрешения от военных, – обнадежил меня Лао Ся.

На следующий день мы отправились осматривать окрестности, и посетили чудесный парк Дагуань с экзотическими китайскими пагодами, детской площадкой и лодочной станцией. По реке, впадающей в озеро Дяньчи, по сплошному ковру из плавающих водяных гиацинтов, медленно двигались прогулочные катера. Густая водная растительность неохотно расступалась и сразу же смыкалась за их кормой. Интересно, как эта река выглядит весной в период цветения гиацинтов.

Лао Ся рассказал, что водяной гиацинт это не только красивое цветковое растение, но и злостный водный сорняк. Он образует сплошные плавни в реках, препятствуя судоходству, засоряет дренажную и оросительную системы. С ним даже ведут борьбу, используют на корм скоту и как удобрение.

Мне показали «Золотой храм» на холме Миньфэншань – главную достопримечательность Куньмина. На его территории располагается Зал Высшей Гармонии – Дворец Тэйха с реликвиями одной из древнейших религий – даосизма. Балки, арки, двери, окна, крыша, алтарь и статуи богов в храме отлиты из желтой бронзы.

Коллеги заметили, что я не потрясен историческими памятниками и решили удивить меня местными природ-

ными достопримечательностями. Здесь, на юге Китая находится самая обширная карстовая область Земли. У побережья Вьетнама она затоплена морем, и карстовые останцы выступают из воды многочисленными крутосклонными куполовидными островами различных размеров.

Мы посетили «Каменный лес» – классический пример тропического карста, где причудливой формы каменные столбы похожи на фантастические деревья. Местные жители называют это место Шилинь – Каменный лес. Особенно впечатлили живописные водопады – все как на фантастических китайских пейзажах, которые поначалу, казались мне надуманными.

На другой день отправились в городской зоопарк. При входе, на центральной круговой экспозиции за сеткой прогуливалось животное напоминающее рыжую лису, К моему удивлению оно с аппетитом уплетало листья бамбука. На табличке название животного обозначалось двумя иероглифами. Такого зверя я не видел даже в своей любимой телевизионной программе «В мире животных».

– Это что за зверь, лиса? – спросил я У Ганьго.

– Это такой маленький животный, – коротко, но исчерпывающе ответил доцент, – типа панды.

– Это Малая или Красная панда, – уточнил Лао Ся, – раньше ее считали лисой и на юго-западе Китая почти полностью истребили из-за красивого меха, из которого делали шапки. Она питается бамбуком и является очень отдалённым родственником Большой панды. Миллионы лет назад их общий предок жил на территории Евразии.

Мы отправились гулять по зоопарку. Мне очень хотелось взглянуть на тигра, который по корреспонденции из официальной китайской англоязычной газеты «Чайна дейли» недавно выскочил из клетки и напал на двух китайцев.

Пока мы искали тигра, случайно оказались у клетки с черной пантерой. Она сидела на высокой тумбе и нетороп-

ливо лизала лапу – ну, прямо как кошка. Около клетки стояли несколько посетителей китайцев и внимательно рассматривали животное. Когда мы подошли ближе, пантера, занятая умыванием, каким-то боковым зрением меня заметила, вскочила и, выгнув спину дугой, как обыкновенная кошка, сердито зашипела. Она смотрела на меня поверх голов посетителей, как на чудовище в черном кожаном пиджаке. Все сразу обернулись, и уставились на меня с таким неподдельным удивлением, будто я только что сбежал из клетки. Мне стало неудобно такое внимание к моей скромной персоне со стороны пантеры и посетителей зоопарка. Когда я отошел, то вся толпа от клетки двинулась за мной, как за гуляющим на свободе бегемотом. На одном из поворотов нам удалось оторваться от хвоста из зевак. Наконец, мы отыскали клетку с тигром людоедом. Решетку его клетки из толстых прутьев снаружи закрывала еще и мелкая сетка, чтобы тигр с гарантией не просочился наружу. На меня тигр едва взглянул. Но после моего отъезда тигр умудрился выскочить еще раз и напасть на кого-то из обслуживающего персонала.

Министерство обороны КНР не разрешило мне посещение месторождения Гэцзю в связи с напряженностью на вьетнамско-китайской границе, и мы собирались в обратную дорогу.